
ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

И. Н. Буздалов

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА: НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ И «ОСОБЫЙ РОССИЙСКИЙ ПУТЬ» ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Буздалов Иван Николаевич – академик РАН,
главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Традиционным недостатком практически всех попыток формирования стратегии, методов и механизмов аграрной политики страны с началом проведения рыночных реформ является, прежде всего, недооценка приоритетного значения сельского хозяйства и всего агропромышленного комплекса в общем процессе социально-экономического развития. В современных условиях серьезного усложнения геополитических и мирохозяйственных процессов как прямого следствия просчетов и амбиций властных политиков «цена» этой недооценки заметно возрастает. Связанное с этим обострение продовольственной, энергетической, климатической, демографическо-миграционной и иных глобальных проблем мира *выдвигает новые требования к национальной аграрной политике*. Она должна не только гарантировать взаимозвязанное устойчивое развитие всех обеспечивающих аграрное производство отраслей, но и его более тесную координацию с развитием других ключевых секторов, общим социально-пространственным преобразованием страны, а также глобальными мировыми трендами. Такой подход призван облегчить переход к социально ориентированному, ресурсосберегающему экономическому росту и фактически закреплен в современных аграрных политиках ведущих развитых и ряда развивающихся экономик, особенно Китая.

Руководствуясь положением Дэн Сяопина: «Сельское хозяйство – основа экономики», китайские власти с начала 80-х годов XX в. последовательно осуществляют действительно новую, протекционистски ориентированную аграрную политику, добившись на ее основе беспрецедентных результатов в преобразовании отрасли и всего народного хозяйства. В России к традиционным недугам движения по «особому пути», связанным с приверженностью, говоря словами М.Е. Салтыкова-Щедрина, строить здание «на песце», а когда

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

оно рухнет, начинать «на том же песце» его возводить, добавились сейчас еще и болезненные последствия санкций западных стран, да и собственных «контрсанкций» в области продимпорта. В этих условиях *переход к протекционистской аграрной политике для преодоления глубокого затяжного характера аграрного кризиса, тормозящего весь процесс социально-экономического развития, не только настоятельно необходим, но и неотложен.*

Концептуальные аспекты проблемы

Ответственный государственный подход к разработке и целенаправленному осуществлению научно обоснованной аграрной политики обусловлен рядом факторов и условий фундаментального характера, прежде всего тем, что *сельское хозяйство как первичная базовая основа материального производства* занимает особое место среди ведущих отраслей и сфер экономики не только по своей целевой функции, циклу воспроизводства, но и по отраслевой и пространственно-социальной структуре. Аграрное производство основано на жизнедеятельности крестьянства – корневой системе нации, формирующей безальтернативную базу устойчивого социально-экономического развития, удовлетворяя первейшую потребность человека в продуктах питания. Можно, конечно, с высоты верховной власти внушать голодающему (по вине непрофессионализма этой власти), что «не хлебом единым» он жив, и призывать его к патриотизму, духовности, «сплочению» с сытыми призывающими, к терпению во имя какой-то изобретенной ими очередной «национальной» идеи. Но уже при полупустом желудке указанных призывов человек не хочет даже слушать, а его терпение быстро иссякает и трансформируется в озлобление. Голодный же бунт – самый беспощадный и вполне «осмысленный».

Сейчас на продовольствие в России приходится около 50% потребительского рынка, а затраты на питание составляют около 40% расходов российских домохозяйств. Даже небольшие сбои с продовольственным снабжением лишь по отдельным продуктам (гречка, сахар и т.д.), неизбежно сопровождающиеся с другой бедой – ростом цен, мгновенно вызывают у населения нарастающую протестную реакцию, в то время как, например, нехватка автоматов, танков и т.д. его особенно не беспокоит.

Воспроизводственный цикл сельского хозяйства опирается преимущественно не на исчерпываемые минеральные, а на воспроизводимые ресурсы – плодородие почв, биологический (частично энергетический) потенциал растений и животных. Он более равномерно, чем в других межотраслевых комплексах, распределен по территории страны. Сельское хозяйство использует 13% земельной площади (36% – без учета площади лесов и поверхност-

ных вод) и почти 20% потребляемых водных ресурсов России. Площадь пашни у нас в стране сопоставима с площадью пашни во втором в мире производителе продовольствия – Евросоюзе, но в отличие от него может быть увеличена на 15–30%. Причем такой прирост возможен за счет освоения части миллионов заброшенных за годы реформ пахотных земель. Однако если сделать поворот на главный путь развития сельского хозяйства – его интенсификацию, системную модернизацию, то объем производства на оставшихся сейчас в обороте землях сельскохозяйственного назначения можно увеличить более эффективным способом в 2–2,5 раза, упрочив и активизировав тем самым общий потенциал отрасли, как «вечного двигателя», локомотива экономики. А это возможно лишь при целенаправленном осуществлении научно обоснованной аграрной политики.

Обзор специальной научной литературы и энциклопедических изданий между тем показывает, что понятие «политика» применительно к экономике трактуется далеко неоднозначно, часто весьма расплывчато или явно произвольно, причем таким трактовкам можно найти формальные объяснения. Дело в том, что политические решения в области экономического и связанного с ним социального развития, в частности в сельском хозяйстве, нередко противоречат объективным законам этого развития и базируются на субъективных представлениях или волюнтаристских увлечениях властей, принимающих эти решения. В.И. Даль в своем «Толковом словаре» определял политику как «виды, намерения и цели государя, немногим известные и образ его действий при сем нередко скрывающий первые. Политик умный, ловкий, не всегда честный государственный деятель».

Этой уклончивостью, лживостью политических целеустановок грешили большевики, обещав землю – крестьянам, фабрики и заводы – рабочим, а всем и каждому – «светлое будущее», на деле введя новое, государственное крепостное право. Заведомо невыполнимые обещания, декларации, в лучшем случае полумеры, движения «шаг вперед – два назад» – достаточно распространенное явление, в той или иной мере характерное даже для стран с действительной приверженностью к принципам демократии и гражданского общества, не говоря уже о странах, где основанные на идеологических догмах действия «государя» (царя, «генсека», президента, национального лидера и т.д.) или «коллективного руководства» (хунты, политбюро и т.д.) не имеют опосредованных четким разделением властей демократических ограничений и развитых институтов правового государства.

К числу последних имеются определенные основания отнести Россию с ее явно неокрепшим, «рыхлым» гражданским обществом, проявлениями телефонного права вместо реального соблюдения прав человека и т.д., что позволяет высшему руководству подменять политические решения, основанные на достижениях науки, решениями, в частности в области аграрной

политики, «по усмотрению», по кажущейся (в действительности псевдонаучной) целесообразности, по собственному понятию или очевидной прихоти. В этих условиях задача экономической науки, других общественных наук заключается в выявлении того, насколько аграрная, как и вся экономическая политика имеют под собой объективно обусловленные научные основы. В исходном пункте решения указанной задачи нужно, во-первых, аргументировано определиться в самом понятии аграрной политики, во-вторых, четко сформулировать ее научные основы, определяющие теоретические принципы и, в-третьих, разработать направления, методы и механизмы осуществления аграрной политики, отвечающие этим основам и принципам.

Нет нужды доказывать, что в эволюционно развивающемся обществе, в условиях правового государства, подлинного народовластия, независимости суда и т.д. определяющие политические установки властей по определению должны быть прозрачными, отражаться в правовых актах, в подконтрольных обществу действиях исполнительных, управленческих и хозяйственных органов всех уровней. Стоит только какие-то «высшие» политические соображения поставить над экономическими интересами (как, например, это наблюдалось в последнее время в отношениях между Украиной и Россией), как это сразу неизбежно негативно скажется на состоянии экономики, уровне жизни людей, вызовет нагнетание международной обстановки, санкции и т.д.

В общем концептуальном плане до сих пор помимо смещения акцентов в соотношении политики и экономики в само понятие экономической, в том числе аграрной, политики вкладывается разный смысл, смешиваются ее сущность, стратегические целеустановки с направлениями, мерами ее практического осуществления. В одном случае аграрная политика представляется как «последовательная реализация системы мер для перехода агропромышленного производства из одного состояния в другое» [Шмелёв, 2000 г.], в другом – как «совокупность идей, целей, средств и методов формирования и регулирования отношений между городом и деревней и в самой деревне, а главное – решение продовольственного вопроса» [Милосердов, 2002 г.], в третьем – как «определение соответствующих целей и ресурсное обеспечение их достижения, установление стратегических приоритетов, дополненных механизмом их обоснованного тактического корректирования» [АПК: Экономика, управление, 1992 г., № 7, с. 8].

Есть и другие излишне усложненные, замысловатые формулировки понятия аграрной политики, в которых, как и в приведенных выше, *отсутствует акцент на главную ее функцию и стратегическую социально-экономическую цель – создание сельскому производителю всех необходимых для творческого высокопроизводительного труда, гарантированных государством условий жизнедеятельности*. Только в рамках реализации этой цели аграрная экономика, вся агропродовольственная система страны перейдет в новое качест-

венное состояние, только на этой основе может успешно решаться продовольственный вопрос, обеспечиваться другие стратегические приоритеты и т.д. Профессионализм властей в разработке и осуществлении аграрной политики характеризует государственную мудрость (или, наоборот, неадекватность, бездарность) политического руководства страны вообще.

Приоритет сельского развития как критерий научной обоснованности аграрной политики

Степень научной обоснованности, следовательно эффективности аграрной политики, тем выше, чем полнее учитывается в ней базовый статус, особая роль и многофункциональная отраслевая специфика сельского хозяйства. Добившись на основе высокоразвитого сельского хозяйства общего социально-экономического прогресса развитые страны современного мира, к тому же не имеющие серьезных запасов углеводородов (Германия, Франция и др.) в своей экономической стратегии исходили из того, что *рациональное использование уникального ресурсного потенциала отрасли, стимулирование эффективности производства через обеспечение достойных доходов занятых в сельском хозяйстве, стабильное снабжение населения основными продуктами питания отечественного производства по разумным ценам, поддержание экологического и социально-демографического баланса на сельских территориях – важнейшие базовые условия существования и развития государства и общества. Поэтому обеспечение этих условий выступает как объективная общественная необходимость и является постоянным макроэкономическим приоритетом, определяющим критерием и главной целью собственно аграрной политики, предпосылкой системной экономической и социальной модернизации, следовательно успешного позиционирования России в меняющихся мирохозяйственных процессах.*

Многовековая история России между тем показывает, что в отношениях государства с сельским хозяйством и крестьянством принцип приоритетности за некоторыми исключениями, прежде всего в годы осуществления Столыпинской реформы, не находил своего отражения в аграрной политике. Этим определялась не только отсталость отрасли, но и общее социально-экономическое неблагополучие в обществе [Абалкин, 2009]. Особенно это проявилось в процессе так называемых «социалистических преобразований», когда вместо приоритетного развития отрасли применялись методы военно-феодальной эксплуатации крестьянства, взимания с него «дани» через механизм пресловутой «перекачки», «ножниц цен» и т.д.

В настоящее время методы внеэкономического принуждения в значительной мере устранили, а размеры неэквивалентного обмена, масштабы

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

«перекачки» результатов крестьянского труда в пользу субъектов монопольного окружения сельского хозяйства уменьшены. *Однако в проводимой ныне аграрной политике России сельское хозяйство по-прежнему рассматривается как традиционный «донор», как неизбежный, хронически отсталый «довесок» к остальным «неаграрным» секторам экономики. Необходим решительный разворот всего общества к приоритетному развитию сельского хозяйства, следовательно, его системному преобразованию через масштабную господдержку аграрного сектора, являющуюся общемировым трендом.*

Такому тренду масштабной господдержки сельского хозяйства с начала 80-х годов XX в. неизменно следует Китай. За годы реформ ее размеры выросли почти в 30 раз и в общей структуре бюджета страны составляют 7,5%. В России, наоборот, доля сельского хозяйства в расходной части бюджета, составлявшая в 1990 г. 14% его суммы, снизилась до символической в 1,2%. В расчете на 1 га посевной площади размеры господдержки отрасли в России оказались в 20 с лишним раз ниже китайских показателей. В результате за период экономических реформ валовая продукция сельского хозяйства Китая (на той же земельной площади) увеличилась в 2,3 раза, в том числе животноводства в 3,2 раза, а в России ее объем не достиг уровня 1990 г. и в животноводстве упал на 1/3. В настоящее время Китай, обеспечив рост потребления основных продуктов питания в расчете на душу населения в 2–3 и более раз (по мясу в 3,5 раза, растительному маслу в 4,3, рыбе – в 9, фруктам – в 12 раз и т.д.) экспортирует продукцию сельского хозяйства, в том числе в Россию на сумму свыше 70 млрд долл., а Россия импортирует ее в объеме свыше 40 млрд долл. в год (2013 г. – 43,1 млрд долл.).

Допущенные российским руководством серьезные ошибки и просчеты в отношении социально-экономической стратегии сельского развития до сих пор глубоко не проанализированы и тем более не исправлены. В связи с этим утверждение, прозвучавшее в отчете Правительства РФ в Госдуме 24 апреля 2014 г., о том, что властям «не стыдно» за нынешнее положение дел в сельском хозяйстве, крайне неубедительно и необъективно. По сути, другую, более предметную, оценку действительного положения на селе дал, наконец, президент В.В. Путин, заявивший на заседании Госсовета и Совета по нацпроектам и демографической политике 21 апреля 2014 г., что сельская жизнедеятельность «во многих местах (на самом деле на площади более половины сельскохозяйственной территории. – И. Б.) словно остановилась, замерла» и что люди бегут из деревни «из-за общей невестребованности». Правда, эта оценка не была подтверждена в его Послании Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г. Вместо этого опять были приведены результаты благоприятного по погодным условиям 2014 г. А ведь с апреля по декабрь этого года никаких существенных изменений к лучшему (если не считать милостей природы) в деревне не произошло. Достаточно внимательно взглянуть

на общее болезненное состояние аграрного сектора страны, на показатели сельской демографии, качество человеческого капитала и производственно-технической базы на селе, парадоксы и злоупотребления в использовании земельных ресурсов, состояние социальной и инженерной инфраструктуры, низкие показатели уровня жизни селян, сельской занятости, трудовой активности, миграции из села, особенно молодежи, чтобы убедиться в глубине испытываемого современным сельским хозяйством острейшего системного кризиса.

Успешному решению этой задачи способствовало бы широкое использование опыта «всех развитых стран», к чему и призвал В.В. Путин в своей статье «О наших экономических задачах» (Ведомости, 31.04.2012 г.), а этот опыт, как известно, основан на реальном обеспечении приоритета сельского хозяйства, активной протекционистской направленности аграрной политики. К сожалению, практические действия в этом плане оказались «уклончивыми». Ведь одними призывами урожаи полей и животноводческую отрасль не поднять, стимулы к производительному труду и социальное благоустройство села не повысить, деградацию сельской демографии не приостановить и в целом затянувшийся глубокий системный кризис отрасли не преодолеть.

А что на деле показывает опыт всех развитых стран? Так, в Германии на основе аграрного законодательства, ориентированного на приоритет сельского развития, неизменно поддерживаются достойные условия для жизнедеятельности крестьянства, на базе которых обеспечивается высокоинтенсивное развитие сельского хозяйства, активно способствующее общему прогрессу в стране. Поэтому при малоземелье и низком естественном плодородии почв социально обустроенная и динамично развивающаяся отрасль, располагающая земельными угодьями в расчете на одного жителя страны в 3,2 раза меньше, чем Россия, сейчас производит свыше 90% необходимого стране продовольствия, а трудоемкая продукция животноводства в больших объемах экспортируется. По сути, Германия стала развитой страной во многом именно благодаря проведению научно обоснованной аграрной политики.

В отличие от развитых и быстро развивающихся стран, прежде всего Китая, российский аграрный сектор, в условиях проводимой властями политики, оказался в глубокой долговой яме и состоянии фактического банкротства. В итоге он не только не стабилизирует или динамизирует экономику России, но сдерживает ее развитие, не обеспечивая возможный значительный мультипликативный эффект для сопряженных отраслей промышленности и сферы услуг. Кризисное его состояние не позволяет преодолеть и беспрецедентное за всю историю России засилие импорта продовольствия, какие бы не осуществлялись замены его поставщиков из соседних Польши, Литвы, Норвегии на чилийские, аргентинские и т.д. без необходимого наполнения аграрного бюджета страны.

Не просчитав последствий «контрсанкций» на импортные поставки продовольствия из США, других стран Запада и вообще усматривая в санкциях против России своего рода стимулы, наконец, самим по-настоящему заняться своей экономикой, ее модернизацией, импортозамещением и т.д. ответственные представители власти не делают при этом необходимых пояснений и объяснений. А что же раньше, когда цена за баррель нефти зашкаливала за 100 долл., мешало направить усилия и ресурсы государства на формально провозглашенную модернизацию аграрного и всего реального сектора экономики, и все шло по тому же «особому российскому пути»?

Что касается действий по принципу «око за око», то оценивать их нужно с позиций собственной выгоды, вместо которой страна понесла немалые потери и убытки. Неслучайно, неся эти убытки вследствие российских контрсанкций, Белоруссия отказалась поддержать их в отношении стран Запада (впрочем, как и другие акции России, в том числе внешнеполитические, осложнившие международную обстановку с ее нынешними последствиями для страны, ее денежно-валютной системы, уровня жизни населения и т.д.). Можно сгоряча ввести эмбарго еще и на импортные лекарства, детское питание и т.д., но нетрудно предвидеть и его последствия. Главное же наивно думать, что указанные «стимулы» заработают сами по себе без изменений в методах и механизмах управления, в частности без реального поворота от общих призывов к реальному ресурсному обеспечению приоритета сельского развития.

Государственный приоритет развития сельского хозяйства как определяющий критерий научной обоснованности аграрной политики обуславливается также непредсказуемой зависимостью отрасли от действия стихийных природных сил. Связанные с этим непредвиденные риски снижают привлекательность аграрного сектора для частных инвесторов и предопределяют объективную необходимость активного участия государства в обеспечении приоритета сельского развития через систему мер поддержки села.

Между тем торжественно провозглашенная в начале реформ стратегия такого развития на деле выродилась в основном в декларации или популистские благие намерения, в лучшем случае – в полумеры. Формально государство брало на себя ответственность за рыночно-социальную трансформацию аграрного сектора, ее финансово-организационное обеспечение. *На практике принимавшиеся в этом направлении федеральные законы по сельскому развитию, прежде всего Закон «О государственном регулировании агропромышленного производства» (1997), не выполнялись и часто подменялись документами, которые не относились даже к подзаконным актам, что дискредитировало законодательную деятельность и являлось одной из существенных причин серьезного подрыва производительных сил сельского хозяйства, ресурсорасточительности в использовании и без того мизерной*

бюджетной поддержки села. При этом в стране практически отсутствует необходимое правовое обеспечение приоритетного развития сельского хозяйства.

Правда, на 2005–2007 гг. был принят национальный проект «Развитие АПК», формально по названию отвечавший принципу приоритетности сельского развития. Но за время реализации этого проекта социально-экономическое положение в сельском хозяйстве мало изменилось к лучшему, а импорт продовольствия в страну удвоился. Главную причину декларативности приоритета сельского развития в этом проекте объяснил его инициатор, Президент РФ В.В. Путин: «Недопустимо малое» государственное финансирование.

Многие еще верят в якобы «историческую» необходимость политики «перекачки», изначально подорвавшей производительные силы сельского хозяйства, подкрепляя эту слепую веру количественными результатами индустриализации, сооружением «Магнитки», Днепрогэса и т.д., масштабами развития военно-промышленного комплекса. Однако эта «верующая» публика не задумывается над тем, что достижения индустриализации можно было значительно повысить, если бы перераспределение результатов крестьянского труда осуществлялось в рамках оптимальных пропорций в экономике, соблюдалась эквивалентность обмена, как важнейшего условия прогресса в сельском развитии. Если бы не сталинский волюнтаризм и «развитие России продолжалось так, как оно шло с конца XIX в. и до 1917 г., то к 1940 г. Россия приблизилась бы к США и не привело бы к антропологической катастрофе» [Пивоваров, 2008 г.].

Несмотря на некоторые частные позитивные сдвиги последних лет (возвращение в Минсельхоз рыбного хозяйства, выделение символического по сравнению с необходимым дополнительного «антикризисного» финансирования сельского хозяйства в 2013 г.), *отвечающая современным требованиям система формирования и реализации аграрной политики, которая соответствовала бы опыту «всех развитых стран», не была создана.* Общее социально-экономическое состояние аграрного сектора и всей сельской местности оставалось тяжелым, крайне неустойчивым, представляющим угрозу не только продовольственной, но и всей национальной безопасности страны.

По сути, в сельском хозяйстве страны происходит *деиндустриализация сельскохозяйственного производства.* Сельхозтехника крайне изношена и сроки ее эксплуатации перешли все разумные границы. В крайнем упадке находится вся система сельскохозяйственного машиностроения. *В кризисном состоянии плодородие почв.* При доле России в мировом производстве минеральных удобрений более 9%, в потреблении эта доля почти в 8 раз меньше. При общем увеличении (с 15,9 до 18,3 млн т) производства минеральных удобрений за 1990–2013 гг. внесение их в почву в России сократилось с 9,9

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

до 2,0 млн т, а в расчете на 1 га посевных площадей с 88 до 37 кг. Почти не используются органические удобрения. Заброшена химическая мелиорация земель. Известкование кислых почв, занимающих 35% пашни в России, с 1990 г. упало в 17 раз до 0,3 млн га. В критическом состоянии ирригация.

Крайне опасна *десоциализация села*. Перенос ответственности за поддержание и развитие жилищно-коммунальной, социальной, медицинской и образовательной сферы с сельхозпредприятий на не имеющие ресурсов муниципальных образования при слабой поддержке этой сферы государством привел к масштабной деградации инженерной и социальной инфраструктуры в сельских регионах. Около 60% сельских жителей срочно нуждаются в улучшении жилищных условий. Жилой фонд изношен, большая его часть не имеет элементарных коммунальных удобств. Отмеченная президентом страны «общая невостребованность», качество жизни, вдвое заниженный в сравнении со средним по экономике уровень оплаты труда селян подрывают стимулы их эффективной деятельности.

При сохранении такой ситуации развитие человеческого потенциала занятых в сельском хозяйстве, привлечение на село квалифицированных специалистов, преодоление депопуляции многих сельских территорий, а следовательно, поддержание устойчивости на большей части территории России, особенно в труднодоступных и приграничных районах, маловероятно. Госпрограммы развития сельского хозяйства и целевые программы развития села без необходимого государственного ресурсного обеспечения не способны переломить негативные тенденции.

Возрождение сельского хозяйства невозможно и без преодоления тенденции его *деинтеллектуализации*. В рамках проводимой аграрной политики практически отсутствует отвечающая современным требованиям система подготовки кадров квалифицированных работников. В 2012 г. среднее профессиональное образование имели около 21% занятых в сельском хозяйстве, высшее профессиональное – менее 10%. Около 80% выпускников сельскохозяйственных вузов не идут на работу в сельское хозяйство ввиду карьерной и жизненной бесперспективности. При сохранении такого положения через три–пять лет в аграрном секторе почти не останется квалифицированных механизаторов, агрономов, зоотехников и других специалистов. Вследствие отсутствия необходимой господдержки и дезорганизации системы аграрных исследований и разработок сузилась научно-образовательная база аграрного сектора, ухудшилась связь фундаментальной и прикладной наук с производством, усилилась коммерциализация результатов исследований и разработок. Численность научных кадров в аграрных научно-исследовательских учреждениях снизилась более чем вдвое. Не находят практического применения до 80% научных разработок по рациональному ведению сельского хозяйства на

современной технологической основе, хотя даже нынешний инновационный потенциал в сельском хозяйстве оценивается в 400 млрд руб.

Определенную негативную роль играет и *организационная деструктуризация сельхозпроизводства. Не получили широкого распространения настоящие кооперативные формы хозяйства, особенно вертикального типа, а в производственных кооперативах во многом сохранились прежние колхозные порядки, закрепленные нормами ущербною по своему содержанию Закона «О сельскохозяйственной кооперации». Места кооперативов, по сути, часто заменяют огромные агрохолдинги, не всегда эффективно использующие земельные и водные ресурсы, высвобождающие без предоставления альтернативной занятости значительные трудовые ресурсы и поглощающие основную часть кредитно-инвестиционных (в том числе государственных) ресурсов.*

На другом полюсе находится предоставленная сама себе масса мелких хозяйств населения (прежде всего приусадебные и другие семейные хозяйства), располагающих очень ограниченными земельными и кредитными ресурсами, хотя производящих более 40% валовой продукции отрасли. Возросла роль фермерских хозяйств, успешно конкурирующих с агрохолдингами в производстве таких интенсивных культур, как подсолнечник (более 27%), зерно (свыше 22%), овощи (почти 14%), сахарная свекла (12%), но также имеющих ограниченные ресурсы господдержки. Крайне недостаточно поддержка государством средних и крупных агропредприятий, имеющих больший потенциал развития, но вследствие обусловленного механизмом «перекачки» бедственного финансово-экономического положения лишенных возможности его рационально использовать.

России нужна новая аграрная политика

Как уже отмечалось, основным изъяном проводимой в России аграрной политики, усугубляющим причины перечисленных кризисных трендов, является не только совершенно *недостаточная бюджетно-финансовая, но и «дополняющая» ее, богатая парадоксами и неувязками организационно-правовая господдержка сельского хозяйства.* Оно по-прежнему рассматривается и фактически используется как ослабевшая от недокорма «дойная корова» для обеспечения других общественных нужд. В то же время *масштабы производимого крестьянством национального дохода позволяют успешно и форсировано осуществлять модернизацию отрасли, если отказаться от подрывающей производительные силы сельского хозяйства перекачки, т.е. перестать бесцеремонно обирать село* [Милосердов, 2010 г.].

Власти современной России и субъекты монопольного окружения сельского хозяйства, бесспорно, ослабили бремя перекачки. Селу возвращается

часть изымаемых у него государством, посредниками, «партнерами» по АПК доходов, но суммы этого возврата не отвечают принципам эквивалентного обмена и социальной справедливости в отношении крестьянства. По данным за 2009–2012 гг., только по расчетам на товарную продукцию сельского хозяйства государство и субъекты монопольного окружения села «выкачивали» из отрасли в среднем за год по 1,3 трлн руб. вновь созданной стоимости отрасли. Селу же было возвращено через бюджетные назначения 1/10 этой суммы, причем непосредственные производители получили менее 1/4 этих назначений. Такого фискального бремени не испытывает в стране ни одна другая отрасль, ни одна другая группа населения. По имеющимся оценкам, за эти годы сумма уплаченных субъектами сельского хозяйства налогов, сборов и других обязательных платежей, а также страховых взносов в государственные внебюджетные фонды на 7–18% превышала его поддержку из консолидированного бюджета.

Доля аграрной составляющей этого бюджета за 1990–2012 гг. снизилась на порядок (до 1,2%) против, например, 10% госбюджета соседней «союзной» Республики Беларусь. По уровню основной теперь формы прямой господдержки сельхозпроизводителей в расчете на 1 га пашни Россия отстает от стран ЕС, Китая, других государств в 10–15 и более раз. Доля бюджетной поддержки сельского хозяйства в России втрое ниже доли сельского хозяйства в создании валовой добавленной стоимости в экономике, а в странах Евросоюза – почти в 19 раз выше [Пошкус, 2010 г.].

Для поддержания, а тем более наращивания производства хозяйства вынуждены брать кредиты под крайне высокие даже льготные проценты, что неизбежно приводит к образованию задолженности, приблизившейся к 2,5 трлн руб. – почти в 1,3 раза превышающей годовую выручку от реализации произведенной ими продукции в 2014 г., что при отсутствии средств у СХО для возврата долгов ставит многие из них на грань разорения.

В упомянутом отчете Правительства РФ в Госдуме 22 апреля 2014 г. Д.А. Медведев заявил, что задолженность СХО по кредитам является «положительным фактором», не пояснив сути этой «положительности» для хозяйств. Если имеется в виду списание задолженности как возникшей вследствие непрофессионализма властей в проведении аграрной политики, то такое заявление сельхозпроизводители будут приветствовать, как меру социальной справедливости. Но если они останутся в роли должников, то с дальнейшим накоплением задолженности и сохранением нынешнего неэквивалентного обмена, ценового диспаритета, продолжающейся «перекачки» результатов крестьянского труда сельское хозяйство окажется в безвыходной долговой яме и состоянии полного банкротства, в котором ничего «положительного» не просматривается.

Страны, реально стремящиеся к достижению продовольственной и в связи с нею общей национальной безопасности, соответственно, к активному позиционированию на мировом агропродовольственном рынке, не только декларируют эту приоритетность, но на деле оказывают ему реальную и устойчивую бюджетно-финансовую и организационно-управленческую поддержку. В Евросоюзе сопоставимом с РФ по площади сельхозугодий, но имеющем более благоприятные климатические условия, гораздо лучше развитую сельскую инфраструктуру, на Общую сельскохозяйственную политику в 2014–2020 г. намечено направить более 408 млрд евро или примерно 18 трлн руб. (по курсу ЦБ РФ 2013 г.). В российском госбюджете сопоставимые средства – 20 трлн руб. в качестве главного приоритета намечено до 2020 г. направить на вооружения. В Госпрограмме развития сельского хозяйства на 2013–2020 гг. предусмотрено финансирование на порядок меньше (всего 1,5 трлн руб. из федерального бюджета). Однако даже намеченные до предела «урезанные» размеры господдержки вряд ли будут достигнуты, учитывая сложившуюся практику первоочередного секвестирования расходов бюджета (во всяком случае, федерального) на аграрное развитие.

Преодолеть кризис возможно, судя по опыту развитых стран, лишь в рамках теоретически выверенной и подтвержденной этим опытом последовательно протекционистской модели аграрной политики. Изобретать здесь какую-то призрачную конструкцию «особого пути», которую, согласно поэтической притче, «умом не понять» (и в которую надо бездумно «только верить») и втискивать в нее реальную экономическую, в том числе аграрную, политику – это путь в никуда не только для сельского хозяйства, но и страны в целом. По некоторым авторитетным оценкам, это прямой путь к катастрофе [Кончаловский, 2013 г.], постигшей, как известно, и Великую, «неделимую» царскую Россию, и «передовой», как считалось, «нерушимый» советский строй.

Конструкция «особого российского пути» была и остается разве что удобной властям для навязывания стране (и оправдания) разного рода надуманных «исторических» решений, «крутых» поворотов и переворотов, «великих переломов», амбициозных «прорывных» проектов, поисков и «назначений» врагов и прочих «приоритетных» увлечений распорядителей движения по ухабам и трясинам этого пути. Когда же обнаруживается их абсурдность, разрушительность, все легко списать на «загадочность» русской души, на «перегибы», «культ личности» и т.д., включая «происки» Запада, а в «прикладном» плане на стрелочников-исполнителей.

Понятно, что ресурсы государства ограничены. Но ограниченность ресурсов, в том числе финансовых возможностей – общая закономерность, характерная для любой страны и как раз те из них, которые достигли огромного прогресса в сельском хозяйстве (к тому же не имевших таких, как Россия по-

токов нефтедолларов), на деле исходили и исходят из его приоритета и формируют структуру бюджета в соответствии с задачами общей сбалансированности социально-экономического развития, создающего возможность системной модернизации всего народного хозяйства.

Если можно как-то объяснить (в том числе мнимыми угрозами) необходимость обременительных военных расходов, то, по меньшей мере, сомнение вызывает заведомо излишнее усердие распорядителей и распределителей общенародного финансового фонда в затратах на «братскую» помощь, «дружеские» (за счет России) отношения, космические, спортивные, юбилейные и прочие их увлечения и прихоти. Трудно объяснить и волевое списание десятков миллиардов долларов внешних долгов. А здесь немалые источники для обеспечения приоритета первостепенной значимости – возрождения сельского хозяйства, если к ним добавить еще доходы от экспортной выручки за углеводороды, а тем более того же зерна. Сейчас от этой выручки селу не достается ни копейки. Помогло бы этому возрождению введение, наконец, прогрессивного налога, обращение на его нужды части природной, а тем более земельной ренты как составной части создаваемого в отрасли национального дохода.

Повторимся, нужна не корректировка проводимой ныне в стране аграрной политики, а ее радикальное изменение, по сути, формирование «новой актуализированной аграрной политики, новой модели функционирования АПК» [И.Г. Ушачев, 2014 г.].

Мобилизовать необходимые для приоритетного развития сельского хозяйства средства вполне реально и в нынешних сложных социально-экономических условиях, если осуществить ответственный государственный подход к расстановке макроэкономических приоритетов, обеспечению структурной сбалансированности экономики с учетом использования для насущных нужд села части суверенных финансовых фондов страны наряду с другими претендентами (крупные банки, нефтегазовые и прочие госкомпании), если не в первую очередь. К сожалению, такого подхода, необходимого бюджетного маневра в работе экономического блока правительства судя по практическим его действиям и планам (соответственно, и по негативным последствиям) пока не просматривается. Опять стремление поддерживать в первую очередь банки с их новыми долгами и теми же внушительными бонусами и ростовщическими процентными ставками, те же монополизированные госструктуры. Одной только Роснефти из указанных фондов намечено добавить свыше 600 млрд руб., в то время как на 27% сельского населения выделена подачка в 20 млрд, т.е. с соотношением 32:1 и 3: в сравнении с общей суммой годового бюджета сельского хозяйства.

В современных условиях, когда продовольствие становится все более действенным инструментом геополитики, когда сельское хозяйство США все

больше теряет значение мировой продовольственной «подушки безопасности», а Китай и Индия сосредоточены на обеспечении продуктами питания собственного населения, *Россия, опираясь на приоритетное развитие сельского хозяйства и всего АПК, может не только не быть вытесненной на периферию мировой экономики, но и стать одним из основателей и ключевых игроков нового «продовольственного миропорядка» на выгодных для себя долговременных условиях. Причем это возможно и при опосредованной рыночным механизмом модели «мобилизационной экономики», ориентированной на системную социально-экономическую модернизацию сельского хозяйства и максимальную самообеспеченность страны продовольствием.*

Литература

1. Абалкин Л.И. Аграрная трагедия России // Вопросы экономики. – М., 2009. – № 9.
2. Аграрная политика России – современные тенденции. – М.: ИМЭПИ, 1999. – С. 11.
3. Аграрный протекционизм: Научные основы, механизм осуществления в условиях рыночных отношений. – М., 2007. – 470 с.
4. Буздалов И.Н. Аграрная теория: Концептуальные основы, тенденции развития, современные представления. – М., 2005.
5. Буздалов И.Н. Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики // Вопросы экономики. – М., 2010. – № 9.
6. Буздалов И.Н. Униженный класс: О социальном статусе и экономическом положении российского крестьянства // Вопросы экономики. – М., 2011. – № 4.
7. Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. – М., 2013. – С. 98.
8. Жученко А.А. Вызовы XXI столетия мировой и отечественной продовольственной безопасности // Агропродовольственная политика России. – М., 2012. – № 1.
9. Кончаловский А. У России нет своего пути – свой путь ведет к катастрофе // Аргументы и факты. – 15 апреля 2013 г.
10. Лемешев М.Я. и др. Мировой опыт пока ничему не учит. – М., 2011.
11. Милосердов В.В. Многострадальная судьба российского крестьянства. – М., 2010.
12. Пошкус Б.И. Факторы укрепления сельского хозяйства: Надежды и действительность. – Екатеринбург, 2011.
13. Пивоваров Ю.С. Профиль. – М., 2008. – № 32. – С. 21.
14. Шмелёв Г.И. Аграрная теория и аграрная политика России в XX веке. – М., 2000.
15. Ушачев И.Г. Социально-экономические исследования в аграрном секторе России. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – М., 2014. – № 4.